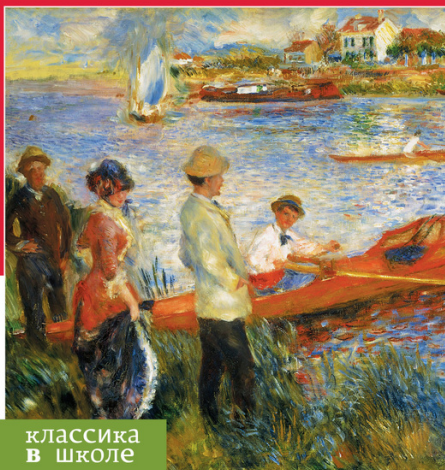

Джером К.
Джером

Трое в одной лодке,
не считая собаки

классика
в школе

Джером Клапка Джером
Трое в одной лодке, не считая собаки
Серия «Классика в школе»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138854

*Трое в одной лодке, не считая собаки: повесть / Джером Клапка Джером: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73624-9*

Аннотация

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучаемые в начальной школе, средних и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

Повесть Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки» изучают на уроках литературы в 6-м классе.

Содержание

Предисловие автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джером К. Джером

Трое в одной лодке, не считая собаки

© М. Салье, перевод. Наследники, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Предисловие автора

Прелесть этой книги не столько в литературном стиле или полноте и пользе заключающихся в ней сведений, сколько в безыскусственной правдивости. На страницах ее запечатлелись события, которые действительно произошли. Я только слегка их приукрасил, за ту же цену. Джордж, Гаррис и Монморенси не поэтический идеал, но существа вполне материальные, особенно Джордж, который весит около двенадцати стоунов¹. Некоторые произведения, может быть, отличаются большей глубиной мысли и лучшим знанием человеческой природы; иные книги, быть может, не уступают моей в отношении оригинальности и объема, но своей безнадежной, неизлечимой достоверностью она превосходит все до сих пор обнаруженные сочинения. Именно это достоинство скорее, чем другие, делает мою книжку ценной для серьезного читателя и придаст больший вес назиданиям, которые можно из нее почерпнуть.

¹ Стоун – около 6,35 килограмма.

Глава первая

Трое инвалидов. – Страдания Джорджа и Гарриса. – Жертва ста семи смертельных недугов. – Полезные рецепты. – Средство против болезней печени у детей. – Мы сходимся на том, что переутомились и что нам нужен отдых. – Неделя в море? – Джордж предлагает путешествие по реке. – Монморенси выдвигает возражение. – Первоначальное предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо – Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморенси. Мы сидели в моей комнате, курили и рассуждали о том, как мы плохи, – плохи с точки зрения медицины, конечно.

Мы все чувствовали себя не в своей тарелке и очень из-за этого нервничали. Гаррис сказал, что на него по временам нападают такие приступы головокружения, что он едва понимает, что делает. Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тогда тоже не знает, что делает. Что касается меня, то у меня не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке печень, потому что недавно прочитал проспект, рекламирующий патентованные пилюли от болезней печени, где описывались различные симптомы, по которым человек может узнать, что печень у него не в порядке. У меня были все эти симптомы.

Это поразительно, но всякий раз, когда я читаю объявление о каком-нибудь патентованном лекарстве, мне приходится сделать вывод, что я страдаю именно той болезнью, о которой в нем говорится, и притом в наиболее злокачественной форме. Диагноз в каждом случае точно совпадает со всеми моими ощущениями.

Помню, я однажды отправился в Британский музей почитать о способах лечения какой-то пустяковой болезни, которой я захворал, – кажется, это была сенная лихорадка. Я выписал нужную книгу и прочитал все, что мне требовалось; потом, задумавшись, я машинально перевернул несколько страниц и начал изучать всевозможные недуги. Я забыл, как называлась первая болезнь, на которую я наткнулся, – какой-то ужасный бич, насколько помню, – но не успел я и наполовину просмотреть список предварительных симптомов, как у меня возникло убеждение, что я схватил эту болезнь.

Я просидел некоторое время, застыв от ужаса, потом с равнодушием отчаяния снова стал перелистывать страницы. Я дошел до брюшного тифа, прочитал симптомы и обнаружил, что я болен брюшным тифом – болен уже несколько месяцев, сам того не ведая. Мне захотелось узнать, чем я еще болен. Я прочитал о пляске святого Вита и узнал, как и следовало ожидать, что болен этой болезнью. Заинтересовавшись своим состоянием, я решил исследовать его основательно и стал читать в алфавитном порядке. Я прочитал про атаксию и узнал, что недавно заболел ею и что острый период наступит недели через две. Брайтовой болезнью я страдал, к счастью, в легкой форме и, следовательно, мог еще прожить многие годы. У меня был дифтерит с серьезными осложнениями, а холерой я, по-видимому, болен с раннего детства.

Я добросовестно проработал все двадцать шесть букв алфавита и убедился, что единственная болезнь, которой у меня нет, – это воспаление коленной чашечки.

Сначала я немного огорчился – это показалось мне незаслуженной обидой. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки? Чем объяснить такую несправедливость? Но вскоре менее хищные чувства взяли верх. Я подумал о том, что у меня есть все другие болезни, известные в медицине, стал менее жадным и решил обойтись без воспаления коленной чашечки. Подагра в самой зловредной форме поразила меня без моего ведома, а общим предрасположением к инфекции я, по-видимому, страдал с отроческих лет. Это была последняя болезнь в лечебнике, и я решил, что все остальное у меня в порядке.

Я сидел и размышлял. Я думал о том, какой интерес я представляю с медицинской точки зрения, каким приобретением я был бы для аудитории. Студентам не было бы нужды «обходить клиники». Я один представлял собой целую клинику. Им достаточно было бы обойти вокруг меня и затем получить свои дипломы.

Потом я решил узнать, долго ли я проживу. Я попробовал себя обследовать. Я пощупал свой пульс. Сначала я совсем не мог найти пульса. Потом внезапно он начал биться. Я вынул часы и стал считать. Я насчитал сто сорок семь ударов в минуту. Я попытался найти свое сердце. Я не мог найти у себя сердца. Оно перестало биться. Теперь-то я полагаю, что оно все время оставалось на своем месте и билось, но объяснить, в чем дело, я не могу. Я похлопал себя спереди, начиная с того, что я называю талией, до головы и немного захватил бока и часть спины, но ничего не услышал и не почувствовал. Я попробовал показать себе язык. Я высунул его как можно дальше и зажмурил один глаз, чтобы глядеть на него другим. Я увидел лишь самый кончик языка, и единственное, что это мне дало, была еще большая уверенность, что у меня скарлатина.

Счастливым, здоровым человеком вошел я в эту читальню, а вышел из нее разбитым инвалидом.

Я отправился к своему врачу. Это мой старый товарищ, и когда мне кажется, что я болен, он щупает мне пульс, смотрит мой язык и разговаривает со мной о погоде – все, конечно, даром. Я решил, что сделаю доброе дело, если пойду к нему сейчас. «Все, что нужно врачу, – подумал я, – это иметь практику. Он будет иметь меня. Он получит от меня больше практики, чем от тысячи семисот обычных больных с одной или двумя болезнями».

Итак, я прямо направился к нему. Он спросил:

– Ну, чем же ты болен?

Я ответил:

– Я не стану отнимать у тебя время, милый мой, рассказывая о том, чем я болен. Жизнь коротка, и ты можешь умереть раньше, чем я кончу. Но я скажу тебе, чем я не болен. У меня нет воспаления коленной чашечки. Почему у меня нет воспаления коленной чашечки, я сказать не могу, но факт остается фактом – этой болезни у меня нет. Зато все остальные болезни у меня есть.

И я рассказал ему, как мне удалось это обнаружить. Тогда он расстегнул меня и осмотрел сверху донизу, потом взял меня за руку и ударил в грудь, когда я меньше всего этого ожидал, – довольно-таки подлая выходка, по моему мнению, – и вдобавок боднул меня головой. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и отдал мне. Я положил рецепт в карман и ушел.

Я не развертывал рецепта. Я отнес его в ближайшую аптеку и подал. Аптекарь прочитал рецепт и отдал мне его обратно. Он сказал, что не держит таких вещей.

Я сказал:

– Вы аптекарь?

Он сказал:

– Я аптекарь. Если бы я совмещал в себе универсальный магазин и семейный пансион, то мог бы услужить вам. Но, будучи всего лишь аптекарем, я в затруднении.

Я прочитал рецепт. Он гласил:

«1-фунтовый бифштекс и 1 пинта горького пива каждые 6 часов.

1 десятимильная прогулка ежедневно по утрам.

1 кровать ровно в 11 ч. вечера.

И не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я последовал этим указаниям с тем счастливым результатом – если говорить за себя, – что моя жизнь была спасена и я до сих пор жив.

Теперь же, возвращаясь к проспекту о пилюлях, у меня, несомненно, были все симптомы болезни печени, главный из которых – «общее нерасположение ко всякого рода труду».

Сколько я перестрадал в этом смысле – не расскажешь словами! С самого раннего детства я был мучеником. В отроческом возрасте эта болезнь не покидала меня ни на один день. Никто не знал тогда, что все дело в печени. Медицинской науке многое в то время было еще неизвестно, и мой недуг приписывали лениости.

– Эй ты, чертенок, – говорили мне, – встань и займись чем-нибудь, что ли!

Никто, конечно, не знал, что я нездоров.

Мне не давали пилюль, мне давали подзатыльники. И, как это ни покажется странным, эти подзатыльники часто излечивали меня на время. Я знаю, что один подзатыльник лучше действовал на мою печень и сильнее побуждал меня сразу же, не теряя времени, встать и сделать то, что нужно, чем целая коробка пилюль. Так часто бывает: простые старомодные средства сплошь и рядом оказываются более действенными, чем целый аптекарский арсенал.

Мы просидели с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, когда встаю по утрам, а Уильям Гаррис рассказал, как он себя чувствует, когда ложится спать. Джордж, стоя на каминном коврике, дал нам ясное, наглядное и убедительное представление о том, как он чувствует себя ночью.

Джордж воображает, что он болен. На самом деле у него всегда все в порядке.

В это время постучалась миссис Попетс, чтоб узнать, не расположены ли мы поужинать. Мы обменялись грустными улыбками и сказали, что нам, пожалуй, следовало бы попробовать съесть что-нибудь. Гаррис сказал, что некоторое количество пищи в желудке часто предохраняет от болезни. Миссис Попетс внесла поднос, мы подсели к столу и скушали по кусочку бифштекса с луком и пирога с ревенем.

Я, вероятно, был очень слаб в то время, так как примерно через полчаса потерял всякий интерес к еде – вещь для меня необычная – и отказался от сыра.

Исполнив эту обязанность, мы снова наполнили стаканы, набили трубки и возобновили разговор о состоянии нашего здоровья. Никто из нас не знал, наверное, что с ним, но общее мнение сводилось к тому, что наша болезнь, как ее ни называй, объясняется переутомлением.

– Все, что нам нужно, – это отдых, – заявил Гаррис.

– Отдых и полная перемена обстановки, – сказал Джордж. – Перенапряжение мозга вызвало общее ослабление нервной системы. Перемена среды и отсутствие необходимости думать восстановят умственное равновесие.

У Джорджа есть двоюродный брат, который обычно значится в полицейских протоколах студентом-медиком. Поэтому Джордж всегда выражается как домашний врач.

Я согласился с Джорджем и предложил отыскать где-нибудь уединенное старосветское местечко, вдали от шумной толпы, и помечтать с недельку в его сонной тишине. Какой-нибудь забытый уголок, спрятанный феями от глаз суетного света, гнездо орлиное, что взнесено на времени утес, куда еле доносится шум бурных волн девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что, по его мнению, там будет страшная скука. Он знает эти места, где все ложатся спать в восемь часов вечера; спортивной газеты там не достанешь ни за какие деньги, а чтобы раздобыть табачку, надо пройти десять миль.

– Нет, – заявил он, – если вы хотите отдыха и перемены, ничто не сравнится с прогулкой по морю.

Я энергично восстал против морской прогулки. Путешествие по морю приносит пользу, если длится месяца два, но одна неделя – это сплошное зло.

Вы выезжаете в понедельник с твердым намерением доставить себе удовольствие. Вы весело машете рукой друзьям, оставшимся на берегу, закуриваете самую длинную свою

трубку и гордо разгуливаете по палубе с таким видом, словно вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что поехали. В среду, четверг и пятницу вы жалеете, что родились на свет. В субботу вы уже в состоянии проглотить немного бульона, посидеть на палубе и с бледной, кроткой улыбкой отвечать на вопросы сердобольных людей о вашем самочувствии. В воскресенье вы снова начинаете ходить и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом и с зонтиком в руке стоите у поручней, собираясь сойти на берег, поездка начинает вам по-настоящему нравиться.

Помню, мой зять однажды предпринял короткое путешествие по морю для поправления здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно, а когда он приехал в Ливерпуль, его единственной заботой было продать свой билет.

Мне рассказывали, что он предлагал этот билет по всему городу с огромной скидкой и в конце концов продал его какому-то молодому человеку, больному желтухой, которому его врач только что посоветовал проехаться по морю и заняться гимнастикой.

– Море! – говорил мой зять, дружески всовывая билет в руку молодого человека. – Вы получите его столько, что вам хватит на всю жизнь. А что касается гимнастики, то сядьте на это судно, и у вас будет ее больше, чем если бы вы непрерывно кувыркались на суше.

Сам он вернулся обратно поездом. Он говорил, что Северо-Западная железная дорога достаточно полезна для его здоровья.

Другой мой знакомый отправился в недельное путешествие вдоль побережья. Перед отплытием к нему подошел буфетчик и спросил, будет ли он расплачиваться за каждый обед отдельно или же уплатит вперед за все время. Буфетчик рекомендовал ему последнее, так как это обойдется значительно дешевле. Он сказал, что посчитает с него за неделю два фунта пять шиллингов. По утрам подается рыба и жареное мясо; завтрак бывает в час и состоит из четырех блюд; в шесть – закуска, суп, рыба, жаркое, птица, салат, сладкое, сыр и десерт; в десять часов – легкий мясной ужин.

Мой друг решил остановиться на двух фунтах пяти шиллингах (он большой любитель поесть).

Второй завтрак подали, когда пароход проходил мимо Ширнесса. Мой приятель не чувствовал особого голода и потому довольствовался куском вареной говядины и земляникой со сливками. Днем он много размышлял, и иногда ему казалось, что он несколько недель не ел ничего, кроме вареной говядины, а иногда – что он годами жил на одной землянике со сливками.

И говядина, и земляника со сливками тоже чувствовали себя неважно.

В шесть часов ему доложили, что обед подан. Это сообщение не вызвало у моего приятеля никакого энтузиазма, но он решил, что надо же отработать часть этих двух фунтов и пяти шиллингов, и, хватаясь за канаты и другие предметы, спустился вниз. Приятный аромат лука и горячего окорока, смешанный с благоуханием жареной рыбы и овощей, встретил его у подножия лестницы. Буфетчик, маслено улыбаясь, подошел к нему и спросил:

– Что прикажете принести, сэр?

– Унесите меня отсюда, – последовал еле слышный ответ.

И его быстро подняли наверх, уложили с подветренной стороны и оставили одного.

Последующие четыре дня мой знакомый вел жизнь скромную и безупречную, питаясь только сухариками и содовой водой. К субботе он, однако, возомнил о себе и отважился на слабый чай и поджаренный хлеб, а в понедельник уже наливался куриным бульоном. Он сошел на берег во вторник, и когда пароход отвалил от пристани, проводил его грустным взглядом.

– Вот он плывет, – сказал он. – Плывет и увозит на два фунта стерлингов пищи, которая принадлежит мне и которую я не съел.

Он говорил, что, если бы ему дали еще один день, он, пожалуй, мог бы поправить это дело.

Поэтому я восстал против морского путешествия. Не из-за себя, как я тут же объяснил. Меня никогда не укачивает. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что с ним все будет в порядке и морское путешествие ему даже нравится, но он советует мне и Гаррису не помышлять об этом, так как уверен, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что для него всегда было тайной, как это люди ухитряются страдать морской болезнью, – наверное, они делают это нарочно, просто прикидываются. Ему часто хотелось заболеть, но так ни разу и не удалось.

Потом он рассказал нам несколько случаев, когда он переплывал Ла-Манш в такую бурю, что пассажиров приходилось привязывать к койкам. Гаррис с капитаном были единственными на пароходе, кто не болел. Иногда здоровым оставался, кроме него, помощник капитана, но, в общем, всегда был здоров только Гаррис и еще кто-нибудь. А если не Гаррис и кто-нибудь другой, то один Гаррис.

Любопытная вещь – никто никогда не страдает морской болезнью на суше. В море вы видите множество больных людей – полные пароходы, но на суше мне еще не встречался ни один человек, который бы вообще знал, что такое морская болезнь. Куда скрываются, попадая на берег, тысячи не выносящих качки людей, которыми кишит каждое судно, – это для меня тайна.

Будь все люди похожи на того парня, которого я однажды видел на пароходе, шедшем в Ярмут, эту загадку было бы довольно легко объяснить. Помню, судно только что отошло от Саусэндского мола, и он стоял, высунувшись в иллюминатор, в очень опасной позе. Я подошел к нему, чтобы попытаться его спасти, и сказал, тряся его за плечо:

– Эй, осадите назад! Вы свалитесь за борт!

– Я только этого и хочу! – раздалось в ответ. Больше я ничего не мог от него добиться, и мне пришлось оставить его в покое.

Три недели спустя я встретил его в кафе одного отеля в Бате, он рассказывал о своих путешествиях и с воодушевлением говорил о том, как он любит море.

– Не укачивало? – воскликнул он, отвечая на полный зависти вопрос какого-то кроткого молодого человека. – Должен признаться, один раз меня немного мутило. Это было у мыса Горн. На следующее утро корабль потерпел крушение.

Я сказал:

– Не вы ли однажды немного заболели у Саусэндского мола и мечтали о том, чтобы вас выбросило за борт?

– Саусэндский мол? – повторил он с изумленным видом.

– Да, на пути в Ярмут, три недели назад, в пятницу.

– Ах, да-да, – просиял он, – теперь вспоминаю. В тот день у меня болела голова. Это от пикулей, знаете. Самые паскудные пикули, какие мне приходилось есть на таком в общем приличном пароходе. А вы их пробовали?

Что касается меня, то я нашел превосходное предохранительное средство против морской болезни. Вы становитесь в центре палубы и, как только судно начинает качать, тоже раскачиваетесь, чтобы сохранить равновесие. Когда поднимается нос парохода, вы наклоняетесь вперед и почти касаетесь собственным носом палубы, а когда поднимается корма, вы откидываетесь назад. Все это прекрасно на час или на два, но нельзя же качаться взад и вперед неделю!

Джордж сказал:

– Поедем вверх по реке.

Он пояснил, что у нас будет и свежий воздух, и моцион, и покой. Постоянная смена ландшафта займет наши мысли (включая и те, что найдутся в голове у Гарриса), а усиленная физическая работа вызовет аппетит и хороший сон.

Гаррис сказал, что, по его мнению, Джорджу не следует делать ничего такого, что укрепляло бы его склонность ко сну, так как это было бы опасно. Он сказал, что не совсем понимает, как это Джордж будет спать еще больше, чем теперь, ведь сутки всегда состоят из двадцати четырех часов независимо от времени года. Если бы Джордж действительно спал еще больше, он с равным успехом мог бы умереть и сэкономить таким образом деньги на квартиру и стол.

Гаррис добавил, однако, что река удовлетворила бы его «на все сто». Я не знаю, какие это «сто», но они, видимо, всех удовлетворяют, что служит им хорошей рекомендацией.

Меня река тоже удовлетворяла «на все сто», и мы с Гаррисом оба сказали, что Джорджу пришла хорошая мысль. Мы сказали это с таким выражением, что могло показаться, будто мы удивлены, как это Джордж оказался таким умным.

Единственный, кто не пришел в восторг от его предложения, – это Монморенси. Он никогда не любил реки, наш Монморенси.

– Это все прекрасно для вас, друзья, – говорил он. – Вам это нравится, а мне нет. Мне там нечего делать. Виды – это не по моей части, а курить я не курю. Если я увижу крысу, вы все равно не остановитесь, а если я засну, вы, чего доброго, начнете дурачиться на лодке и плюнете меня за борт. Спросите меня, и я скажу, что вся эта затея – сплошная глупость.

Однако нас было трое против одного, и предложение было принято.

Глава вторая

Обсуждение плана. – Прелести ночевки под открытым небом в хорошую погоду. – То же – в дурную погоду. – Принимается компромиссное решение. – Первые впечатления от Монморенси. – Не слишком ли он хорош для этого мира? – Опасения отброшены как необоснованные. – Заседание откладывается.

Мы вытащили карты и наметили план.

Было решено, что мы тронемся в следующую субботу от Кингстона. Я отправлюсь туда с Гаррисом утром, и мы поднимем лодку вверх до Чертси, а Джордж, который может выбраться из Сити только после обеда (Джордж спит в каком-то банке от десяти до четырех каждый день, кроме субботы, когда его будят и выставляют оттуда в два), встретится с нами там.

Где мы будем ночевать – под открытым небом или в гостиницах?

Я и Джордж стояли за то, чтобы ночевать на воздухе. Это будет, говорили мы, так прилично, так патриархально...

Золотое воспоминание об умершем солнце медленно блекнет в сердце холодных, печальных облаков. Умолкнув, как загрустившие дети, птицы перестали петь, и только жалобы болотной курочки и резкий крик коростеля нарушают благоговейную тишину над пеленою вод, где умирающий день испускает последнее дыхание.

Из потемневшего леса, подступившего к реке, неслышно ползут призрачные полчища ночи – серые тени. Разогнав последние отряды дня, они бесшумной, невидимой поступью проходят по колышущейся осоке и вздыхающему камышу. Ночь на мрачном своем престоле окутывает черными крыльями погружающийся во мрак мир и безмолвно царит в своем призрачном дворце, освещенном бледными звездами.

Мы укрыли нашу лодку в тихой бухточке, поставили палатку, сварили скромный ужин и поели. Вспыхивают огоньки в длинных трубках, звучит негромкая веселая болтовня. Когда разговор прерывается, слышно, как река, плескаясь вокруг лодки, рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку, которую она поет уже тысячи лет и будет петь, пока ее голос не станет дряхлым и хриплым. Нам, которые научились любить ее изменчивый лик, которые так часто искали приюта на ее волнуемой груди, – нам кажется, что мы понимаем ее, хотя и не могли бы рассказать словами повесть, которую слушаем.

И вот мы сидим у реки, а месяц, который тоже ее любит, склоняется, чтобы приложиться к ней братским лобзанием, и окутывает ее нежными серебристыми объятиями; мы смотрим, как струятся ее воды и все поют, все шепчут, устремляясь к владыке своему – морю; наконец голоса наши замирают, трубки гаснут, и нас, обыкновенных, достаточно пошлых молодых людей, переполняют мысли печальные и милые, и нет у нас больше охоты говорить.

И наконец, рассмеявшись, мы поднимаемся, выколачиваем погасшие трубки и со словами «спокойной ночи» засыпаем под большими тихими звездами, убаюканные плеском воды и шелестом деревьев, и нам грезится, что мир снова молод, молод и прекрасен, как была прекрасна земля до того, как столетия смут и волнений избородили морщинами ее лицо, а грехи и безумства ее детей состарили ее любящее сердце, – прекрасна, как в былые дни, когда, словно молодая мать, она баюкала нас, своих сыновей, на широкой груди, пока коварная цивилизация не выманила нас из ее любящих объятий и ядовитые насмешки искусственности не заставили нас устыдиться простой жизни, которую мы вели с нею, и простого величавого обиталища, где столько тысячелетий назад родилось человечество.

Гаррис спросил:

– А как быть, если пойдет дождь?

Гарриса ничем не проймешь. В Гаррисе нет ничего поэтического, нет безудержного порыва к недостижимому. Гаррис никогда не плачет, «сам не зная почему». Если глаза Гарриса наполняются слезами, можно биться об заклад, что он наелся сырого лука или намазал на котлету слишком много горчицы. Если бы вы очутились с Гаррисом ночью на берегу моря и сказали ему: «Чу! Слышишь? Это, наверное, русалки поют в морской глубине или печальные духи читают псалмы над бледными утопленниками, запутавшимися в цепких водорослях», Гаррис взял бы вас за локоть и сказал бы: «Я знаю, что с тобой такое, старина. Ты простудился. Идем-ка лучше со мной. Я нашел здесь за углом одно местечко, где можно выпить такого шотландского виски, какого ты еще не пробовал. Оно мигом приведет тебя в чувство».

Гаррис всегда знает местечко за углом, где можно получить что-нибудь замечательное в смысле выпивки. Я думаю, что, если бы Гаррис встретился вам в раю (допустим на минуту такую возможность), он бы приветствовал вас словами:

– Очень рад, что вы здесь, старина! Я нашел за углом хорошее местечко, где можно достать первосортный нектар.

Но в данном случае, в отношении ночевки под открытым небом, его практический взгляд на вещи послужил нам весьма своевременным предупреждением. Ночевать на воздухе в дождливую погоду неприятно.

Вечер. Вы промокли насквозь, в лодке добрых два дюйма воды, и все вещи отсырели. Вы находите на берегу место, где как будто поменьше луж, выволакиваете палатку на сушу и вдвоем с кем-нибудь начинаете ее устанавливать.

Палатка вся пропиталась водой и стала очень тяжелой. Она хлопает краями и валится на вас или обвивается вокруг вашей головы и приводит вас в бешенство. А дождь льет не переставая. Палатку достаточно трудно укрепить и в сухую погоду, но когда идет дождь, эта задача по плечу одному Геркулесу. Вам кажется, что ваш товарищ, вместо того чтобы помогать, просто валяет дурака. Только вам удалось замечательно укрепить свою сторону, как он дергает за свой конец, и все идет насмарку.

– Эй, что ты там делаешь? – спрашиваете вы.

– А ты что делаешь? – отвечает он. – Пусти же!

Вы кричите:

– Не тяни, это ты все испортил, глупый осел!

– Нет, не я! – орет он в ответ. – Отпусти свой конец!

– Говорю тебе, ты все запутал! – кричите вы, жалея, что не можете до него добраться, и с такой силой дергаете за веревки, что с его стороны вылетают все колышки.

– Что за идиот! – слышится шепот. После этого следует отчаянный рывок – и ваша сторона падает.

Вы бросаете молоток и идете в обход палатки к вашему товарищу, чтобы высказать ему все, что вы об этом думаете. В это время он тоже пускается в путь в том же направлении, чтобы изложить вам свою точку зрения. И вы ходите кругом друг за другом и переругиваетесь, пока палатка не падает бесформенной кучей, а вы стоите над ее развалинами, глядя друг на друга, и в один голос негодуя восклицаете:

– Ну вот! Что я тебе говорил!

Между тем третий ваш товарищ, который, вычерпывая из лодки воду, налил себе в рукав и уже десять минут без передышки сыплет проклятиями, спрашивает, какую вы там, черт побери, затеяли игру и отчего эта паскудная палатка до сих пор не стоит как следует.

Наконец она с грехом пополам установлена, и вы начинаете переносить вещи. Попытаться развести костер бесполезно. Вы зажигаете спиртовку и располагаетесь вокруг нее. Основной предмет питания на ужин – дождевая вода. Хлеб состоит из воды на две трети, пирог с мясом чрезвычайно богат водой, варенье, масло, соль, кофе – все соединилось с нею, чтобы превратиться в похлебку.

После ужина выясняется, что табак отсырел и курить нельзя. К счастью, у вас имеется бутылка с веществом, которое, будучи принято в должном количестве, опьяняет и веселит, и вы снова начинаете достаточно интересоваться жизнью, чтобы улечься спать.

И вот вам снится, что на вас сел слон и что извержение вулкана бросило вас на дно моря вместе со слонем, который спокойно спит у вас на груди. Вы просыпаетесь и приходите к убеждению, что действительно случилось что-то ужасное. Прежде всего вам кажется, что пришел конец света, но потом вы решаете, что это невозможно и что на палатку напали воры или убийцы или, может быть, случился пожар. Вы выражаете эту мысль обычным способом, но помощь не приходит, и вы чувствуете, что вас пинают ногами тысячи людей и что вас душат. Кто-то другой, кроме вас, тоже, кажется, попал в беду. Из-под кровати доносятся его слабые крики. Решив дорого продать свою жизнь, вы начинаете отчаянно бороться, раздавая во все стороны удары ногами и руками и непрерывно испуская дикие вопли. Наконец что-то подается, и ваша голова оказывается на свежем воздухе. В двух футах от себя вы смутно различаете какого-то полуодетого негодяя, готового вас убить, и намереваетесь завязать с ним борьбу не на жизнь, а на смерть, как вдруг вам становится очевидно, что это Джим.

– Ах, это ты, – говорит он, узнавая вас в ту же самую минуту.

– Да, – говорите вы, протирая глаза. – Что случилось?

– Проклятую палатку, кажется, сдуло, – отвечает Джим.

– Где Билл?

Вы оба кричите: «Билл!» – и почва под вами ходит ходуном, а заглушенный голос, который вы уже слышали, отвечает из-под развалин:

– Слезьте с моей головы, черти!

И Билл выбирается на поверхность – грязный, истоптанный, жалкий, измученный и чересчур воинственно настроенный. По-видимому, он твердо убежден, что вся эта шутка подстроена нарочно.

Утром вы все трое без голоса, так как ночью схватили сильную простуду. К тому же вы стали очень раздражительны и в продолжение всего завтрака переругиваетесь хриплым шепотом.

Итак, мы решили, что будем спать под открытым небом только в хорошую погоду, а в дождливые дни или просто для разнообразия станем ночевать в гостиницах, трактирах и постоянных дворах, как порядочные люди.

Монморенси отнесся к этому компромиссу весьма одобрительно. Романтика одиночества его не прельщает. Ему нужно что-нибудь шумное, а если развлечение чуточку грубовато, что ж, тем веселей. Посмотрите на Монморенси – и вам покажется, что это ангел, по каким-то причинам, скрытым от человечества, посланный на землю в образе маленького фокстерьера. Монморенси глядит на вас с таким выражением, словно хочет сказать: «О, как испорчен этот мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее»; вид его вызывает слезы на глазах набожных старых дам и джентльменов.

Когда Монморенси перешел на мое иждивение, я никак не думал, что мне удастся надолго сохранить его у себя. Я сидел, смотрел на него (а он, сидя на коврик у камина, смотрел на меня) и думал: эта собака долго не проживет. Ее вознесут в колеснице на небо – вот что с ней произойдет. Но когда я заплатил за дюжину растерзанных Монморенси цыплят; когда он, рыча и брыкаясь, был вытаскен мною за шиворот из сто четырнадцатой уличной драки; когда мне предъявили для осмотра дохлую кошку, принесенную разгневанной особой женского пола, которая обозвала меня убийцей; когда мой сосед подал на меня в суд за то, что я держу на свободе свирепого пса, из-за которого он больше двух часов просидел как пришибленный в холодную ночь в своем собственном сарае, не смея высунуть нос за дверь; когда, наконец, я узнал, что мой садовник выиграл тридцать шиллингов, угадывая, сколько

крыс Монморенси уьёт в определенный промежуток времени, – я подумал, что его, может быть, и оставят еще немного пожить на этом свете.

Слоняться возле конюшен, собрать кучу самых отпетых собак, какие только есть в городе, и шествовать во главе их к трущобам, готовясь к бою с другими отпетыми собаками, – вот что Монморенси называет «жизнью». Поэтому, как я уже сказал, упоминание о гостиницах, трактирах и постоянных дворах вызвало у него живейшее одобрение.

Когда вопрос о ночевках был, таким образом, решен ко всеобщему удовольствию, оставалось обсудить лишь одно: что именно нам следует взять с собой. Мы начали было рассуждать об этом, но Гаррис заявил, что с него хватит разговоров на один вечер, и предложил пойти промочить горло. Он сказал, что нашел неподалеку от площади одно место, где можно получить глоток стоящего ирландского виски.

Джордж заявил, что чувствует жажду (я не знаю случая, когда бы он ее не чувствовал), и так как у меня тоже было ощущение, что некоторое количество виски – теплого, с кусочком лимона – принесет мне пользу, дебаты были с общего согласия отложены до следующего вечера, члены собрания надели шляпы и вышли.

Глава третья

План уточняется. – Метод работы Гарриса. – Пожилой отец семейства вешает картину. – Джордж делает разумное замечание. – Прелести утреннего купания. – Запасы на случай аварии.

Итак, на следующий день вечером мы снова встретились, чтобы обо всем договориться и обсудить наши планы. Гаррис сказал:

– Во-первых, нужно решить, что нам брать с собой. Возьми-ка кусок бумаги, Джей, и записывай. А ты, Джордж, достань преискурант бакалейной лавки. Пусть кто-нибудь даст мне карандаш, и я составлю список.

В этом сказался весь Гаррис: он так охотно берет на себя всю тяжесть работы и перекладывает ее на плечи других.

Он напоминает мне моего бедного дядю Поджера. Вам в жизни не приходилось видеть в доме такой суматохи, как когда дядя Поджер брался сделать какое-нибудь полезное дело. Положим, от рамочника привезли картину и поставили в столовую в ожидании, пока ее повесят.

Тетя Поджер спрашивает, что с ней делать. Дядя Поджер говорит:

– Предоставьте это мне. Пусть никто из вас об этом не беспокоится. Я все сделаю сам.

Потом он снимает пиджак и принимается за работу. Он посылает горничную купить гвоздей на шесть пенсов и шлет ей вдогонку одного из мальчиков, чтобы сказать ей, какой взять размер. Начиная с этой минуты, он постепенно запрягает в работу весь дом.

– Принеси-ка мне молоток, Уилл! – кричит он. – А ты, Том, подай линейку. Мне понадобится стремянка, и табуретку, пожалуй, тоже захватите. Джин, сбегай-ка к мистеру Гоггелсу и скажи ему: «Папа вам кланяется и надеется, что нога у вас лучше, и просит вас одолжить ваш ватерпас». А ты, Мария, никуда не уходи: мне будет нужен кто-нибудь, чтобы подержать свечку. Когда горничная воротится, ей придется выйти еще раз и купить бечевки. Том! Где Том? Пойди сюда, ты мне понадобишься, чтобы подать мне картину.

Он поднимает картину и роняет ее. Картина вылетает из рамы, дядя Поджер хочет спасти стекло, и стекло врезается ему в руку. Он бегает по комнате и ищет свой носовой платок. Он не может найти его, так как платок лежит в кармане пиджака, который он снял, а он не помнит, куда дел пиджак. Домочадцы перестают искать инструменты и начинают искать пиджак; дядя Поджер мечется по комнате и всем мешает.

– Неужели никто во всем доме не знает, где мой пиджак? Честное слово, я никогда еще не встречал таких людей! Вас шесть человек, и вы не можете найти пиджак, который я снял пять минут тому назад. Эх вы!

Тут он поднимается и видит, что все время сидел на своем пиджаке.

– Можете больше не искать! – кричит он. – Я уже нашел его. Рассчитывать на то, что вы что-нибудь найдете, – все равно что просить об этом кошку.

Ему перевязывают палец, достают другое стекло и приносят инструменты, стремянку, табуретку и свечу. На это уходит полчаса, после чего дядя Поджер снова берется за дело. Все семейство, включая горничную и поденщицу, становится полукругом, готовое прийти на помощь. Двое держат табуретку, третий помогает дяде Поджеру взлезть и поддерживает его, четвертый подает гвоздь, пятый – молоток. Дядя Поджер берет гвоздь и роняет его.

– Ну вот, – говорит он обиженно, – теперь гвоздь упал.

И всем нам приходится ползать на коленях и разыскивать гвоздь. А дядя Поджер стоит на табуретке, ворчит и спрашивает, не придется ли ему торчать там весь вечер.

Наконец гвоздь найден, но тем временем дядя Поджер потерял молоток.

– Где молоток? Куда я девал молоток? Великий Боже! Вы все стоите и глазете на меня и не можете сказать, куда я положил молоток!

Мы находим ему молоток, а он успеваешь потерять заметку, которую сделал на стене в том месте, куда нужно вбить гвоздь. Он заставляет нас всех по очереди взлезать к нему на табуретку и искать ее. Каждый видит эту отметку в другом месте, и дядя Поджер обзывает нас одного за другим дураками и приказывает нам слезть. Он берет линейку и мерит снова. Оказывается, что ему необходимо разделить тридцать один и три восьмых дюйма пополам. Он пробует сделать это в уме и приходит в неистовство. Мы тоже пробуем сделать это в уме, и у всех получается разный результат. Мы начинаем издеваться друг над другом и в пылу ссоры забываем первоначальное число, так что дяде Поджеру приходится мерить еще раз.

Теперь он пускает в дело веревочку; в критический момент, когда старый чудак наклоняется на табуретке под углом в сорок пять градусов и пытается отметить точку, находящуюся на три дюйма дальше, чем он может достать, веревочка выскальзывает у него из рук, и он падает прямо на рояль. Внезапность, с которой он прикасается головой и всем телом к клавишам, создает поистине замечательный музыкальный эффект.

Тетя Мария говорит, что она не может позволить детям стоять здесь и слушать такие выражения.

Наконец дядя Поджер находит подходящее место и приставляет к нему гвоздь левой рукой, держа молоток в правой. Первым же ударом он попадает себе по большому пальцу и с воплем роняет молоток прямо кому-то на ногу. Тетя Мария кротко выражает надежду, что, когда дяде Поджеру опять захочется вбить в стену гвоздь, он заранее предупредит ее, чтобы она могла поехать на недельку к матери, пока он будет этим заниматься.

– Вы, женщины, всегда поднимаете из-за всего шум, – бодро говорит дядя Поджер. – А я так люблю поработать.

Потом он предпринимает новую попытку и вторым ударом вгоняет весь гвоздь и половину молотка в штукатурку. Самого дядю Поджера стремительно бросает к стене, и он чуть не расплющивает себе нос.

Затем нам приходится снова отыскивать веревочку и линейку, и пробивается еще одна дырка. Около полуночи картина наконец повешена – очень криво и ненадежно, и стена на много ярдов вокруг выглядит так, словно по ней прошли граблями. Мы все выбились из сил и злимся – все, кроме дяди Поджера.

– Ну, вот видите! – говорит он, тяжело спрыгивая с табуретки прямо на мозоли поденщице и с явной гордостью любуясь на произведенный им беспорядок. – А ведь некоторые люди пригласили бы для такой мелочи специального человека.

Я знаю – Гаррис будет таким же, когда вырастет. Я сказал ему это и заявил, что не могу позволить, чтобы он взял на себя столько работы.

– Нет, – сказал я, – ты принесешь бумагу и карандаш, Джордж будет записывать, а я сделаю остальное.

Первый наш список пришлось аннулировать. Было ясно, что в верхнем течении Темзы нельзя проплыть на лодке, достаточно большой, чтобы вместить все то, что мы считали необходимым. Мы разорвали список и молча переглянулись. Джордж сказал:

– Мы на совершенно ложном пути. Нам следует думать не о тех вещах, которыми мы как-нибудь обойдемся, но о тех, без которых нам никак не обойтись.

Джордж, оказывается, может иногда быть разумным. Это даже удивительно. Я бы сказал, что в его словах заключается подлинная мудрость, приложимая не только к настоящему случаю, но и ко всей нашей прогулке по реке жизни вообще. Сколь многие, рискуя затопить свой корабль, нагружают его всякими вещами, которые кажутся им необходимыми для удовольствия и комфорта в пути, а на самом деле являются бесполезным хламом.

Как они загромождают свое уютное суденышко по самые мачты дорогими платьями и огромными домами, бесполезными слугами и множеством светских друзей, которые ни во что их не ставят и которых сами они не ценят, дорогостоящими увеселениями, которые никого не веселят, условностями и модами, притворством и тщеславием и – самый грузный и нелепый хлам – страхом, как бы сосед чего не подумал; роскошью, приводящей к пресыщению, удовольствиями, которые через день надоедают, бессмысленной пышностью, которая, как во дни оны железный венец преступников, заливают кровью наболевший лоб и доводит до обморока того, кто его носит!

Хлам, все хлам! Выбросьте его за борт! Это из-за него так тяжело вести лодку, что гребцы вот-вот свалятся замертво. Это он делает судно таким громоздким и неустойчивым. Вы не знаете ни минуты отдыха от тревог и беспокойства, не имеете ни минуты досуга, чтобы отдаться мечтательному безделью, у вас нет времени полюбоваться игрой теней, скользящих по поверхности реки, солнечными бликами на воде, высокими деревьями на берегу, глядящими на собственное свое отражение, золотом и зеленью лесов, лилиями, белыми и желтыми, темным колышущимся тростником, осокой, ятрышником и синими незабудками.

Выбросьте этот хлам за борт! Пусть ваша жизненная ладья будет легка и несет лишь то, что необходимо: уютный дом, простые удовольствия, двух-трех друзей, достойных называться друзьями, того, кто вас любит и кого вы любите, кошку, собаку, несколько трубок, сколько нужно еды и одежды и немножко больше, чем нужно, напитков, ибо жажда – опасная вещь.

Вы увидите, что тогда лодка пойдет свободно и не так легко опрокинется, а если и опрокинется – неважно: простой, хороший товар не боится воды. У вас будет время не только поработать, но и подумать, будет время, чтобы упиваться солнцем жизни и слушать эолову музыку, которую божественный ветерок извлекает из струн нашего сердца, будет время...

Извините, пожалуйста! Я совсем забыл...

Итак, мы предоставили список Джорджу, и он принялся за работу.

– Палатки мы не возьмем, – предложил Джордж. – У нас будет лодка с навесом. Это гораздо проще и к тому же удобней.

Мы нашли, что это хорошая мысль, и приняли ее. Не знаю, видели ли вы когда-нибудь штуку, которую я имею в виду. По всей длине лодки укрепляют железные воротца, на них натягивают брезент и привязывают его со всех сторон от кормы до носа так, что лодка превращается в маленький домик. В нем очень уютно, хотя и душновато, но все ведь имеет свои теневые стороны, как сказал человек, у которого умерла теща, когда от него потребовали денег на похороны.

Джордж сказал, что в таком случае нам нужно взять каждому по пледу, одну лампу, головную щетку и гребень (на троих), зубную щетку (по одной на каждого), умывальную чашку, зубной порошок, бритвенные принадлежности (не правда ли, это похоже на упражнение из учебника французского языка?) и пару больших купальных полотенец. Я заметил, что люди всегда делают колоссальные приготовления к купанию, когда собираются ехать куда-нибудь поближе к воде, но не очень много купаются, приехав на место.

То же самое происходит, когда едешь на море. Обдумывая свои планы в Лондоне, я неизменно решаю, что буду рано вставать и окунаюсь перед завтраком, и благоговейно укладываю в чемодан трусы и купальное полотенце. Я всегда покупаю красные трусы. Я нравлюсь себе в красных трусах. Они очень идут к моему цвету лица...

Но, оказавшись на берегу моря, я почему-то не чувствую больше такой потребности в утреннем купании, какую чувствовал в городе. Я испытываю скорее желание как можно дольше оставаться в постели, а потом сойти вниз и позавтракать. Однако один раз добродетель восторжествовала. Я встал в шесть часов, наполовину оделся и, захватив трусы и

полотенце, меланхолически побрел к морю. Но купание не доставило мне радости. Когда я рано утром иду купаться, мне кажется, что для меня нарочно приберегли какой-то особенно резкий восточный ветер, выкопали и положили сверху все треугольные камешки, заострили концы скал, а чтобы я не заметил, прикрыли их песком; море же увели на две мили, так что мне приходится, дрожа от холода и кутаясь в собственные руки, долго ковылять по глубине в шесть дюймов. А когда я добираюсь до моря, оно ведет себя грубо и совершенно оскорбительно.

Сначала большая волна приподнимает меня и елико возможно бесцеремоннее бросает в сидячем положении на скалу, которую поставили здесь специально для меня. Не успею я вскрикнуть «ух!» и сообразить, что случилось, как волна возвращается и уносит меня на середину океана. Я отчаянно бью руками, порываясь к берегу, спрашиваю себя, увижу ли я еще родной дом и друзей, и сожалею, что в детстве так жестоко дразнил свою младшую сестру. Но в тот самый момент, когда я теряю всякую надежду, волна вдруг уходит, а я остаюсь распластанным на песке, точно медуза. Я поднимаюсь, оглядываюсь и вижу, что боролся за свою жизнь на глубине в два фута. Я ковыляю назад, одеваюсь и иду домой, где мне приходится делать вид, что купание мне понравилось.

В настоящем случае мы все рассуждали так, словно собирались каждое утро подолгу купаться. Джордж сказал, что очень приятно проснуться свежим утром на лодке и погрузиться в прозрачную реку. Гаррис сказал, что ничто так не возбуждает аппетита, как купание перед завтраком. У него это всегда вызывает аппетит. Джордж заметил, что если Гаррис станет от купания есть больше, чем обыкновенно, то он, Джордж, будет протестовать против того, чтобы Гаррис вообще лез в воду. Он сказал, что везти против течения количество пищи, необходимое для Гарриса, и так достаточно тяжелая работа.

Я доказывал Джорджу, что гораздо приятней будет иметь Гарриса в лодке чистым и свежим, даже если придется захватить на несколько центнеров больше провизии; Джордж принял мою точку зрения и взял обратно свой протест против купания Гарриса.

Наконец мы уговорились захватить с собой не два, а три купальных полотенца, чтобы не заставлять друг друга ждать.

Что касается платья, то Джордж сказал, что двух фланелевых костюмов будет достаточно, так как мы сами можем стирать их в реке, когда они запачкаются. На наш вопрос, пробовал ли он когда-нибудь стирать в реке фланелевые костюмы, Джордж ответил:

– Нельзя сказать, чтобы я стирал их сам, но я знаю людей, которые стирали. Это не так уж и трудно.

Мы с Гаррисом были достаточно наивны, чтобы вообразить, что он знает, о чем говорит, и что три молодых человека, не пользующихся влиянием и положением в обществе и не имеющих опыта в стирке, действительно могут с помощью куска мыла вымыть свои рубашки и брюки в реке Темзе. В последующие дни, когда было уже поздно, нам пришлось убедиться, что Джордж – подлый обманщик, который, видимо, и понятия не имел об этом деле. Если бы вы видели нашу одежду после... Но, как говорится в дешевых уголовных романах, мы забегаем вперед.

Джордж уговорил нас взять с собой смену нижнего белья и достаточное количество носков на тот случай, если мы опрокинемся и потребуется переодеться. А также побольше носовых платков, которые пригодятся, чтобы вытирать разные вещи, и кожаные башмаки вдобавок к резиновым туфлям, они нам понадобятся, если мы перевернемся.

Глава четвертая

Продовольственный вопрос. – Отрицательные свойства керосина. – Преимущества путешествия в компании с сыром. – Замужняя женщина бросает свой дом. – Дальнейшие меры на случай аварии. – Я укладываюсь. – Зловредность зубных щеток. – Джордж и Гаррис укладываются. – Чудовищное поведение Монморенси. – Мы отходим ко сну.

Потом мы начали обсуждать продовольственный вопрос. Джордж сказал:

– Начнем с утреннего завтрака. (Джордж всегда так практичен!) Для утреннего завтрака нам понадобятся сковорода (Гаррис сказал, что она плохо переваривается, но мы предложили ему не быть ослом, и Джордж продолжал), чайник и спиртовка. Ни капли керосина, – сказал Джордж многозначительно, и мы с Гаррисом согласились.

Один раз мы взяли с собой керосинку, но больше – никогда! Целую неделю мы как будто жили в керосиновой лавке. Керосин просачивался всюду. Я никогда не видел, чтобы что-нибудь так просачивалось, как керосин. Мы держали его на носу лодки, и оттуда он просочился до самого руля, пропитав лодку и все ее содержимое. Он растекся по всей реке, заполнил собой пейзаж и отравил воздух. Иногда керосиновый ветер дул с запада, иногда с востока, а иной раз это был северный керосиновый ветер или, может быть, южный, но, прилетал ли он из снежной Арктики или зарождался в песках пустыни, он всегда достигал нас, насыщенный ароматом керосина.

Этот керосин просачивался все дальше и портил нам закат. Что же касается лучей луны, то от них просто разило керосином.

Мы попытались уйти от него в Марло. Чтобы избавиться от керосина, мы оставили лодку у моста и пошли по городу пешком, но он неотступно следовал за нами. Весь город был полон керосина. Мы проходили по кладбищу, и нам казалось, что покойников закопали в керосин. Главная улица провоняла керосином; мы не могли понять, как на ней можно жить. Милую за милей проходили мы по Бирмингемской дороге, но бесполезно: вся местность пропиталась керосином.

В конце концов мы сошлись в полночь в безлюдном поле, под сожженным молнией дубом, и дали страшную клятву (мы уже и так целую неделю кляли керосин в обычном обывательском стиле, но теперь это было нечто грандиозное) – страшную клятву никогда больше не брать с собой в лодку керосин, разве только на случай болезни.

Итак, на этот раз мы ограничились спиртом. Это тоже достаточно плохо. Приходится есть спиртовой пирог и спиртовое печенье. Но спирт, принимаемый внутрь в больших количествах, полезнее, чем керосин.

Из прочих вещей Джордж предложил взять для первого завтрака яйца с ветчиной, которые легко приготовить, холодное мясо, чай, хлеб с маслом и варенье. Для второго завтрака он рекомендовал печенье, холодное мясо, хлеб с маслом и варенье, но только не сыр. Сыр, как и керосин, слишком много о себе воображает. Он хочет захватить для себя всю лодку. Он проникает сквозь корзину и придает всему привкус сыра. Вы не знаете, что вы едите – яблочный пирог, сосиски или клубнику со сливками. Все кажется вам сыром. У сыра слишком много запаха.

Помню, один мой друг купил как-то в Ливерпуле пару сыров. Чудесные это были сыры – выдержанные, острые, с запахом в двести лошадиных сил. Он распространялся минимум на три мили, а за двести ярдов валил человека с ног. Я как раз был тогда в Ливерпуле, и мой друг попросил меня, если я ничего не имею против, отвезти его покупку в Лондон. Он сам вернется туда только через день-два, а этот сыр, как ему кажется, не следует хранить особенно долго.

– С удовольствием, дружище, – ответил я. – С удовольствием.

Я заехал за сыром и увез его в кебе. Это была ветхая колымага, влекомая кривоногим запаленным лунатиком, которого его хозяин в минуту увлечения, разговаривая со мной, назвал лошадью. Я положил сыр наверх, и мы тронулись со скоростью, которая сделала бы честь самому быстрому паровому катку в мире. Все шло весело, как на похоронах, пока мы не повернули за угол. Тут ветер ударил запахом сыра прямо в ноздри нашему рысаку. Это пробудило его, и, фыркнув от ужаса, он ринулся вперед с резвостью трех миль в час. Ветер продолжал дуть в его сторону, и мы еще не достигли конца улицы, как наш конь уже стлался по земле, делая почти четыре мили в час и оставляя за флагом всех калек и толстых пожилых дам.

Чтобы остановить его у вокзала, потребовались усилия двух носильщиков и возницы. Я думаю, что даже они не могли бы это сделать, если бы одному из носильщиков не пришлось в голову накинуть на морду лошади носовой платок и зажечь у нее под носом кусок оберточной бумаги.

Я взял билет и, гордо неся свои сыры, вышел на платформу; народ почтительно расступался передо мной. Поезд был битком набит, и мне пришлось войти в отделение, где уже и так сидело семь человек пассажиров. Один сварливый старый джентльмен запротестовал было, но я все же вошел, положил свои сыры в сетку, втиснулся на скамью и с приятной улыбкой сказал, что сегодня тепло. Прошло несколько минут, и старый джентльмен начал беспокойно ерзать на месте.

– Здесь очень душно, – сказал он.

– Совершенно нечем дышать, – подтвердил его сосед.

Потом оба потянули носом и, сразу попав в самую точку, встали и молча вышли. После них поднялась старая дама и сказала, что стыдно так обращаться с почтенной замужней женщиной. Она взяла чемодан и восемь свертков и ушла. Четыре оставшихся пассажира некоторое время продолжали сидеть, но потом какой-то сумрачный господин в углу, принадлежавший, судя по одежде и внешнему облику, к классу гробовщиков, сказал, что ему невольно вспомнились мертвые дети. Тут остальные три пассажира сделали попытку выйти из двери одновременно и ушиблись о косяки.

Я улыбнулся мрачному джентльмену и сказал, что мы, кажется, останемся в отделении вдвоем. Он добродушно засмеялся и заметил, что некоторые люди любят поднимать шум из-за пустяков. Но когда мы тронулись, он тоже пришел в какое-то подавленное состояние, так что по приезде в Кру я предложил ему пойти со мной выпить. Он согласился, и мы с трудом пробились в буфет, где с четверть часа кричали, стучали ногами и махали зонтиками. Наконец к нам подошла барышня и спросила, чего бы мы хотели.

– Что будем пить? – обратился я к моему спутнику.

– Мне, пожалуйста, на полкроны чистого бренди, мисс, – сказал он.

А потом, выпив свое бренди, он незаметно удалился и сел в другой вагон, что я расценил как низость.

От Кру я ехал в отделении один, хотя поезд был набит до отказа. Когда он подходил к станциям, публика, видя пустое купе, бросалась к дверям. «Сюда, Мария, иди сюда, масса мест!» – «Прекрасно, Том, мы сядем здесь!» И они бежали, таща свои тяжелые чемоданы, и толкались у дверей, чтобы войти первыми. Кто-нибудь открывал дверь и поднимался на ступеньки, но сейчас же, шатаясь, падал на руки соседа. За ним входили остальные и, потянув носом, тут же соскакивали и втискивались в другие вагоны или доплачивали разницу и ехали в первом классе.

С Юстонского вокзала я отвез сыры на квартиру моего приятеля. Его жена, войдя в комнату, понюхала воздух и спросила:

– Что случилось? Скажите мне все, даже самое худшее.

Я ответил:

– Это сыр. Том купил его в Ливерпуле и просил меня привезти его к вам. Надеюсь, вы понимаете, – прибавил я, – что сам я здесь ни при чем.

Она сказала, что уверена в этом, но что, когда Том вернется, она с ним еще поговорит.

Мой приятель задержался в Ливерпуле дольше, чем думал. Когда прошло три дня и он не вернулся, его жена явилась ко мне. Она спросила:

– Что говорил Том насчет этих сыров?

Я ответил, что он рекомендовал держать их в не очень сухом месте и просил, чтобы никто к ним не прикасался.

– Сомнительно, чтобы кто-нибудь прикоснулся к ним, – сказала жена Тома. – А он их нюхал?

Я выразил предположение, что да, и прибавил, что он, видимо, очень дорожит этими сырами.

– Как вы думаете, Том очень огорчится, если я дам кому-нибудь соверен и попрошу унести эти сыры и закопать их в землю? – спросила жена Тома.

Я ответил, что, по моему мнению, он после этого ни разу больше не улыбнется.

Ей пришла в голову новая идея. Она сказала:

– Не согласитесь ли вы подержать их у себя до приезда Тома? Позвольте мне прислать их к вам.

– Сударыня, – ответил я, – что касается меня лично, то я люблю запах сыра и путешествие с этими сырами из Ливерпуля всегда буду вспоминать как счастливое завершение приятного отпуска. Но на нашей земле приходится считаться с другими. Дама, под кровом которой я имею честь обитать, вдова и, насколько я знаю, сирота. Она энергично, я бы даже сказал – красноречиво, возражает против того, чтобы ее, по ее выражению, «обижали». Наличие в ее доме сыров вашего мужа – я это инстинктивно чувствую – она воспримет как обиду. А я не допущу, чтобы про меня говорили, будто я обижаю вдов и сирот.

– Прекрасно, – сказала жена Тома и встала. – Тогда мне остается одно: я заберу детей и перееду в гостиницу на то время, пока этот сыр не будет съеден. Я отказываюсь жить с ним под одной кровлей. Она сдержала слово и оставила квартиру на попечение служанки. Последняя, на вопрос, может ли она выносить этот запах, ответила: «Какой запах?» – а когда ее подвели близко к сыру и предложили хорошенько понюхать, сказала, что чувствует легкий запах дыни. Из этого был сделан вывод, что такая атмосфера не принесет служанке особого вреда, и ее оставили в квартире.

Счет из гостиницы составил пятнадцать гиней, и мой приятель, подытожив все расходы, выяснил, что сыр обошелся ему по восемь шиллингов и шесть пенсов фунт. Он сказал, что очень любит съесть иногда кусочек сыра, но что это ему не по средствам, и решил от него избавиться. Он выбросил сыр в канал, но его пришлось оттуда выудить, так как лодочники подали жалобу. Они сказали, что им делается дурно. После этого мой приятель в одну темную ночь отнес свой сыр в покойницкую при церкви. Но коронер² обнаружил сыр и поднял ужасный шум. Он сказал, что это заговор, имеющий целью лишить его средств к существованию путем оживления мертвецов.

В конце концов мой приятель избавился от своего сыра: он увез его в один приморский город и закопал на пляже. Это создало городу своеобразную славу. Приезжие говорили, что только теперь заметили, какой там бодрящий воздух, и еще много лет подряд туда толпами съезжались слабогрудые и чахоточные.

Поэтому хоть я и очень люблю сыр, но считаю, что Джордж был прав, отказываясь взять его с собою.

² Коронер – следователь, производящий дознание в случаях скоропостижной смерти, позволяющей заподозрить убийство.

– Чая мы пить не будем, – сказал Джордж (лицо у Гарриса вытянулось), – но мы будем основательно, плотно, шикарно обедать в семь часов. Это будет одновременно и чай, и обед, и ужин.

Гаррис несколько повеселел. Джордж предложил взять с собой мясные и фруктовые пироги, холодное мясо, помидоры, фрукты и зелень. Для питья мы запаслись какой-то удивительно липкой микстурой, изготовленной Гаррисом, которую смешивают с водой и называют лимонадом, достаточным количеством чая и бутылкой виски – на случай аварии, как сказал Джордж.

Мне казалось, что Джордж слишком уж много говорит об аварии. Это не дело – пускаться в путь с такими мыслями.

Но все же хорошо, что мы захватили с собой виски.

Вина и пива мы с собой не взяли. Пить их на реке – большая оплошность. От них становишься грузным и сонливым. стакан пива вечером, когда вы бродите по городу, глаза на девушек, – это еще ничего. Но не пейте, когда солнце припекает вам голову и вам предстоит тяжелая работа.

Прежде чем разойтись, мы составили список вещей, которые нужно было захватить, – довольно длинный список! На следующий день, в пятницу, мы собрали все вещи в одно место, а вечером сошлись, чтобы уложиться. Мы достали большой чемодан для белья и платья и две корзины под провизию и посуду. Стол мы отодвинули к окну, вещи свалили в кучу посреди пола и, усевшись в кружок, долго смотрели на них.

– Я буду укладывать, – сказал я.

Я горжусь своим умением укладывать. Это одно из многих дел, которые я, по моему глубокому убеждению, умею делать лучше всех на свете (меня самого иногда удивляет, сколько существует таких дел). Я убедил в этом Джорджа и Гарриса и сказал, что лучше всего будет предоставить всю эту работу мне одному. Они приняли это предложение с удивительной готовностью. Джордж зажег трубку и улегся в кресло. Гаррис закурил сигару и развалился в другом кресле, закинув ноги на стол.

Это было не совсем то, чего я ожидал. Я предполагал, разумеется, что Гаррис и Джордж будут действовать по моим указаниям, а сам собирался только руководить работой, то и дело отталкивая их и прикрикивая: «Эх вы! Дайте-ка я сам сделаю. Видите, как это просто!» Я думал, так сказать, о роли учителя. То, что они поняли это иначе, раздражало меня. Ничто меня так не раздражает, как вид людей, которые сидят и ничего не делают, когда я работаю.

Мне как-то пришлось жить с одним человеком, который доводил меня таким образом до бешенства. Он часами валялся на диване и смотрел, как я тружусь; его взор следовал за мной, куда бы я ни направился. Он говорил, что ему прямо-таки полезно смотреть, как я работаю. Он понимает тогда, что жизнь – это не праздные мечты, не сплошная скука и зевота, но благородное дело, в котором главное – чувство долга и суровый труд. Он, по его словам, часто удивлялся, как ему удалось прожить до встречи со мной, когда он не имел возможности смотреть на кого-нибудь, кто работает.

Ну а я совсем другой человек. Я не могу спокойно сидеть и смотреть, как кто-нибудь трудится. Мне хочется встать и распоряжаться, расхаживать по комнате, заложив руки в карманы, и указывать, что надо делать. Такая уж у меня деятельная натура.

Тем не менее я не сказал ни слова и начал укладываться. Эта работа потребовала больше времени, чем я предполагал, но наконец я уложил чемодан и, сев на него, начал затягивать ремни.

– А сапоги ты не будешь укладывать? – спросил Гаррис.

Я оглянулся и увидел, что забыл уложить сапоги. Это очень похоже на Гарриса. Он, конечно, не вымолвил ни слова, пока я не уложил чемодан и не затянул ремни. Джордж

засмеялся своим раздражающим, тупым, бессмысленным, неприятным смехом. Как они оба меня бесят!

Я раскрыл чемодан и уложил сапоги. Когда я собирался его закрыть, мне вдруг пришла в голову ужасная мысль: уложил ли я свою зубную щетку. Непонятно почему, но я никогда не знаю, уложил ли я свою зубную щетку.

Когда я путешествую, зубная щетка преследует меня, как кошмар, и превращает мою жизнь в сплошную муку. Мне снится, что я ее не уложил, и я просыпаюсь в холодном поту и начинаю ее разыскивать. А утром я укладываю ее, еще не почистив зубы, и вынужден снова распаковывать вещи, и щетка всегда оказывается на самом дне чемодана. Потом я укладываюсь снова и забываю щетку, и мне приходится в последний момент мчаться за нею наверх и везти ее на вокзал в носовом платке.

Мне, разумеется, и теперь пришлось выверотить из чемодана все вещи до последней, и, разумеется, я не нашел щетки. Я привел наши пожитки приблизительно в такое состояние, в каком они, вероятно, были до сотворения мира, когда царил первобытный хаос. Конечно, мне восемнадцать раз попадались под руку щетки Джорджа и Гарриса, но своей щетки я найти не мог. Я переложил одну за другой все вещи, поднимая их и встряхивая. Наконец я нашел мою щетку в одном из башмаков. Я уложил чемодан снова.

Когда я кончил, Джордж спросил, уложено ли мыло. Я ответил, что мне наплевать, уложено мыло или нет, и, с шумом захлопнув чемодан, затянул ремни. Но оказалось, что я запаковал туда мой кисет с табаком, и мне пришлось открывать чемодан еще раз.

В десять часов пять минут вечера он был окончательно закрыт, и теперь предстояло только уложить корзинки с провизией. Гаррис сказал, что до отъезда осталось меньше полу-суток и что ему с Джорджем, пожалуй, следует взять оставшуюся работу на себя. Я согласился и сел, а они принялись за дело.

Начали они весело, намереваясь, по-видимому, показать мне, как надо укладываться. Я не делал никаких замечаний, я просто ждал.

Когда Джорджа повесят, Гаррис будет самым плохим укладчиком в мире. Я смотрел на груды тарелок, чашек, кастрюль, бутылок, банок, пирогов, спиртовок, бисквитов, помидоров и пр. и предвкушал великое наслаждение.

Надежды мои оправдались. Прежде всего Гаррис с Джорджем разбили чашку. Они сделали это лишь для того, чтобы показать, на что они способны, и вызвать к себе интерес.

Затем Гаррис положил банку с клубничным вареньем на помидор и раздавил его. Помидор пришлось извлекать чайной ложкой. Затем настала очередь Джорджа, и он наступил на масло. Я не сказал ни слова, я только подошел ближе и, усевшись на край стола, наблюдал за ними. Я чувствовал, что это раздражает их больше, чем самые колкие слова. Они волновались, нервничали; они роняли то одно, то другое, без конца искали вещи, которые сами же перед тем ухитрялись спрятать. Они запихивали пироги на дно и клали тяжелые вещи сверху, так что пироги превращались в месиво. Все, что возможно, они посыпали солью, а что касается масла, то я никогда не видел, чтобы два человека столько возились с куском масла стоимостью в четырнадцать пенсов.

Когда Джордж отскреб масло от своей туфли, они попробовали запихнуть его в котелок. Но оно не входило, а то, что уже вошло, не хотело вылезать. Наконец они выскребли его оттуда и положили на стул, а Гаррис сел на этот стул, и масло прилипло к его брюкам, и они принялись его искать по всей комнате.

– Готов присягнуть, что я положил его на этот стул, – сказал Джордж, тараща глаза на пустое сиденье.

– Я сам это видел минуту назад, – подтвердил Гаррис.

Они снова обошли всю комнату в поисках масла и, сойдясь посередине, уставились друг на друга.

– Это просто поразительно, – сказал Джордж.

– Настоящая загадка! – сказал Гаррис.

Наконец Джордж обошел вокруг Гарриса и увидел масло.

– Оно же все время было здесь! – с негодованием воскликнул Джордж.

– Где? – вскричал Гаррис, круто поворачиваясь на каблуках.

– Стой смирно! – завопил Джордж, устремляясь за Гаррисом. Они отскребли масло от брюк и уложили его в чайник.

Монморенси, разумеется, принимал во всем этом участие.

Жизненный идеал Монморенси состоит в том, чтобы всем мешать и выслушивать брань по своему адресу. Лишь бы втереться куда-нибудь, где его присутствие особенно нежелательно, всем надоест, довести людей до бешенства и заставить их швырять ему в голову разные предметы – тогда он чувствует, что провел время с пользой.

Высшая цель и мечта этого пса – попасть кому-нибудь под ноги и заставить проклинать себя в течение целого часа. Когда ему это удается, его самомнение становится совершенно нестерпимым.

Монморенси садился на разные предметы в тот самый момент, когда их нужно было укладывать, и не сомневался ни минуты, что, когда Гаррис или Джордж протягивают за чем-нибудь руку, им нужен его холодный, влажный нос. Он совал лапу в варенье, разбрасывал чайные ложки и делал вид, что думает, будто лимоны – это крысы. Ему удалось проникнуть в корзину и убить их целых три штуки, пока наконец Гаррис не изловчился попасть в него сковородкой. Гаррис сказал, что я науськиваю собаку. Я ее не науськивал. Такая собака не нуждается в науськивании. Ее толкает на все эти проделки врожденный инстинкт, так сказать, первородный грех.

В двенадцать пятьдесят укладка была окончена. Гаррис сел на корзину и выразил надежду, что ничто не окажется разбитым. Джордж заметил, что если чему-нибудь было суждено разбиться, то это уже случилось, и такое соображение, по-видимому, его утешило. Он добавил, что не прочь поспать. Мы все были не прочь поспать. Гаррис должен был ночевать у нас, и мы втроем поднялись наверх.

Мы кинули жребий, кому где спать, и вышло, что Гаррис ляжет со мной.

– Как ты больше любишь, Джей, – внутри или с краю? – спросил он.

Я ответил, что вообще предпочитаю спать внутри постели.

Гаррис сказал, что это старо.

Джордж спросил:

– В котором часу мне вас разбудить?

– В семь, – сказал Гаррис.

– Нет, в шесть, – сказал я. Мне хотелось еще написать несколько писем. Мы с Гаррисом немного повздорили из-за этого, но в конце концов разделили спорный час пополам и сошлись на половине седьмого.

– Разбуди нас в шесть тридцать, Джордж, – сказали мы. Ответа не последовало, и, подойдя к Джорджу, мы обнаружили, что он уже некоторое время спит. Мы поставили рядом с ним ванну, чтобы он мог утром вскочить в нее прямо с постели, и тоже легли спать.

Глава пятая

Миссис П. будит нас. – Джордж – лентяй. – Надувательство с предсказанием погоды. – Наш багаж. – Испорченный мальчишка. – Вокруг нас собирается толпа. – Мы торжественно отбываем и приезжаем на вокзал Ватерлоо. – Блаженное неведение служащих Юго-Западной дороги касательно столь суетных вопросов, как отправление поездов. – По волнам, по волнам, мы плывем в открытой лодке!..

Разбудила меня на следующее утро миссис Попетс. Она сказала:

– Знаете ли вы, сэр, что уже девять часов?

– Девять чего? – закричал я, вскакивая.

– Девять часов, сэр, – ответила она через замочную скважину. – Я уже подумала, как бы вам не проспать.

Я разбудил Гарриса и сообщил ему, в чем дело.

Он сказал:

– Ты же хотел встать в шесть?

– Ну да, – ответил я. – Почему ты меня не разбудил?

– Как же я мог тебя разбудить, если ты не разбудил меня? – возразил Гаррис. – Теперь мы попадем на реку не раньше двенадцати. Не понимаю, зачем ты вообще собрался вставать.

– Гм! Твое счастье! – заметил я. – Не разбуди я тебя, ты бы так и пролежал все две недели.

Мы еще несколько минут огрызались друг на друга, как вдруг нас прервал вызывающий храп Джорджа. Впервые с тех пор, как нас разбудили, этот звук напомнил нам о его существовании. Вот он лежит – тот, кто спрашивал, когда ему разбудить нас, лежит на спине, рот разинут, колени торчком.

Не знаю почему, но вид человека, который спит, когда я уже встал, приводит меня в неистовство. Меня возмущает, что драгоценные часы нашей жизни, эти чудесные мгновения, которые никогда уже не вернуться, бесцельно тратятся на скотский сон. Вот и Джордж, поддавшись отвратительной лени, проматывает неоценимый дар времени – его драгоценная жизнь, за каждую секунду которой ему придется впоследствии держать ответ, уходит от него неиспользованная. Он мог бы сейчас набивать свою утробу грудинкой с яйцами, дразнить пса или заигрывать с горничной, а он вместо того валяется здесь, погруженный в мертвящее душу забытье.

Это была ужасная мысль. И Гарриса и меня она, видимо, поразила одновременно. Мы решили спасти Джорджа, и это благородное намерение заставило нас забыть нашу размолвку. Мы ринулись к Джорджу и стянули с него одеяло. Гаррис отвесил ему шлепок туфель, я крикнул ему в ухо, и Джордж проснулся.

– Что такое? – спросил он, садясь на постели.

– Вставай, дубина ты этакая! – заорал Гаррис. – Уже без четверти десять.

– Что! – взвизгнул Джордж, соскакивая с постели прямо в ванну. – Кто это, черт побери, поставил сюда эту гадость?

Мы сказали ему, что нужно быть дураком, чтобы не заметить ванны.

Мы кончили одеваться, но, когда дело дошло до тонкостей туалета, оказалось, что зубные щетки и головная щетка с гребнем уложены. Эта зубная щетка когда-нибудь сведет меня в могилу. Пришлось идти вниз и выуживать их из чемодана. Когда мы с этим покончили, Джорджу вдруг понадобился бритвенный прибор. Мы сказали, что сегодня ему придется обойтись без бритвы, так как мы не намерены еще раз развязывать чемодан для него или для кого-нибудь ему подобного.

– Не говорите глупостей, – сказал Джордж. – Как я могу пойти в Сити в таком виде?

Это, конечно, было довольно жестоко по отношению к Сити, но что нам за дело до человеческих страданий? Как выразился со своей обычной пошлой грубостью Гаррис, Сити от этого не убудет.

Мы спустились завтракать. Монморенси пригласил еще двух собак проводить его, и они, чтобы скоротать время, дрались на ступеньках крыльца. Мы успокоили их зонтиком и принялись за котлеты и холодное мясо.

– Великое дело – хорошо позавтракать, – сказал Гаррис. Он начал с пары бараньих котлет, заявляя, что хочет съесть их, пока они горячие, а говядина может подождать.

Джордж завладел газетой и прочитал нам сообщение о несчастных случаях с лодками и предсказание погоды, которое гласило: «Холод, дождь с последующим прояснением (все, что может быть наиболее ужасного в области погоды), местами грозы, ветер восточный, общее понижение давления в районе центральных графств (до Лондона и Ла-Манша), барометр падает».

По-моему, из всей той бессмысленной чепухи, которой досаждают нам жизнь, надувательство с «предсказанием погоды», пожалуй, наиболее неприятно. Нам «предсказывают» в точности то, что произошло вчера или третьего дня, и совершенно противоположное тому, что произойдет сегодня.

Я припоминаю, как испортили прошлой осенью мой отпуск известия о погоде в местной газете.

«Сегодня ожидаются ливни и проходящие грозы», – сообщала эта газета в понедельник, и мы отменяли намеченный пикник и сидели в комнате, ожидая дождя. А мимо нашего дома проезжали в колясках и шарабанах веселые, оживленные компании, солнце сияло вовсю, и на небе не было видно ни облачка.

– Ага, – говорили мы, стоя у окна и смотря на них. – Ну и промокнут же они сегодня!

Мы ухмылялись, думая о том, в каком виде они вернутся, и, усевшись у камина, помещивали огонь и приводили в порядок собранные нами образцы водорослей и ракушек. В полдень солнце заливало всю комнату, жара становилась невыносимой, и мы спрашивали себя, когда же наконец начнутся эти ливни и проходящие грозы.

– Увидите, они разразятся после обеда! – говорили мы друг другу. – Ну и вымочит же их там на пикнике. Вот забавно!

В час приходила хозяйка и спрашивала, не пойдем ли мы гулять, ведь на дворе такая хорошая погода.

– Нет, нет, – говорили мы, хитро улыбаясь. – Мы-то не пойдем. Нам не хочется вымокнуть – о нет!

А когда день почти миновал и все еще не было и признака дождя, мы пытались разве-селить друг друга мыслью, что он начнется неожиданно, как раз в ту минуту, когда гуляющие тронутся в обратный путь и будут далеко от всякого жилья и промокнут до костей. Но с неба так и не упало ни капли, и этот великолепный день миновал, сменившись чудесным вечером.

Наутро мы прочли, что будет «теплый, ясный день, жара». Мы оделись полегче и пошли гулять; через полчаса после того, как мы вышли, начался сильный дождь, поднялся резкий, холодный ветер. И то и другое продолжалось до вечера. Мы вернулись домой простуженные, с ревматизмом во всем теле и легли спать.

Погода – выше моего разума. Я никогда не могу разобраться в ней. Барометр бесполезен. Он так же обманывает, как предсказания газет.

В одной гостинице в Оксфорде, где я жил прошлой весной, висел барометр. Когда я приехал туда, он стоял на «ясно». На дворе лило как из ведра, и дождь продолжался целый день. Это было непонятно. Я постучал по барометру, и стрелка перескочила на «великую сушь». Коридорный, проходивший мимо, остановился и сказал, что, по его мнению, имеется в виду завтрашний день. Я решил, что, может быть, барометр вспоминает о прошлой

неделе, но коридорный сказал: «Нет, не думаю». На другой день утром я снова постучал по барометру, и он поднялся еще выше, а дождь лил все сильнее и сильнее. В среду я подошел и ударил его снова, и стрелка пошла кругом через «ясно», «жара» и «великая сушь», пока не остановилась у шпенька, не будучи в состоянии двинуться дальше. Она старалась, как могла, но инструмент был сделан на совесть и не мог предвещать хорошую погоду еще более энергично. Ему явно хотелось идти дальше и предсказывать засуху, водяной голод, солнечный удар, самум и прочие подобные вещи, но шпенек препятствовал этому, и барометру пришлось удовольствоваться указанием на банальную «великую сушь»!

Между тем дождик лил потоками. Нижнюю часть города затопило, так как река вышла из берегов.

Коридорный сказал, что, очевидно, когда-нибудь наступит продолжительный период великолепной погоды, и прочитал стихи, написанные на верхней части прорицателя:

*За долгий срок предскажешь – так долго и продлится,
А скажешь незадолго – так быстро прекратится.*

Хорошая погода так и не наступила в то лето. Я думаю, этот метеорологический прибор имел в виду будущую весну.

Существуют еще барометры новой формации – такие высокие, прямые. Я никогда не мог ничего в них разобрать. Одна сторона у них служит для десяти утра минувшего дня, другая – для десяти утра на сегодня, но не всегда ведь удается подойти к барометру так рано. Он поднимается и падает при дожде и хорошей погоде, с сильным или слабым ветром; на одном конце его стоит «Вос», на другом – «Сев» (при чем тут сев, скажите, пожалуйста?), а если его постучать, все равно ничего не узнаешь. Приходится еще вносить поправку на уровень моря и переводить градусы на шкалу Фаренгейта, и даже тогда не знаешь, чего следует ожидать.

Но кому нужно знать погоду заранее? И без того плохо, когда она портится, зачем же еще мучиться вперед? Прорицатель, приятный нам, – это старичок, который в какое-нибудь совсем уже мрачное утро, когда нам особенно необходима хорошая погода, опытным глазом оглядывает горизонт и говорит:

– О нет, сэр, я думаю, прояснится. Погода будет хорошая, сэр.

– Ну, он-то знает, – говорим мы, дружески прощаясь с ним и пускаясь в путь. – Удивительно, как эти старички знают все приметы.

И мы испытываем к этому человеку расположение, на которое несколько не влияет то обстоятельство, что погода не прояснилась и дождь непрерывно лил весь день.

«Он сделал все, что мог», – думаем мы.

К человеку же, который предвещает плохую погоду, мы, наоборот, питаем самые злобные, мстительные чувства.

– Ну как по-вашему, прояснится? – весело кричим мы ему, проезжая мимо.

– Нет, сэр. Боюсь, что дождь зарядил на весь день, – отвечает он, качая головой.

– Старый дурак! – бормочем мы про себя. – Много он понимает! – И если его пророчества сбываются, мы, возвращаясь домой, еще больше злимся на него, думая про себя, что и он тоже отчасти тут виноват.

В день нашего отъезда было слишком ясно и солнечно, чтобы леденящие кровь сообщения Джорджа о «падении барометра», о «циклонах, проходящих над южной частью Европы» и «усиливающемся давлении» могли особенно нас расстроить. Видя, что он не в силах нагнать на нас уныние и только попусту тратит время, Джордж стащил папироску, которую я так любовно скрутил для себя, и ушел.

После этого мы с Гаррисом, прикончив то небольшое, что оставалось на столе, вынесли наши пожитки на крыльцо и стали ждать извозчика. Когда весь багаж сложили вместе, его оказалось достаточно. Большой чемодан, ручной сак, две корзины, объемистый сверток пледов, четыре или пять плащей и накидок, столько же зонтиков, дыня в отдельном мешке (она была слишком громоздкой, и ее некуда было засунуть), фунта два винограду (тоже в отдельном мешке), японский бумажный зонтик и сковорода. Она оказалась чересчур длинной, чтобы уложить ее куда-нибудь, и мы просто завернули ее в бумагу.

В общем, вещей на вид было довольно много, и мы с Гаррисом чувствовали себя несколько смущенно, хотя я сам не понимал, чего нам было стыдиться. Вблизи не было видно ни одного экипажа. Зато уличных мальчишек было сколько угодно. Зрелище, видимо, заинтересовало их, и они начали останавливаться.

Первым к нам подошел Биггсов мальчишка. Биггс – это наш зеленщик. Его главный талант заключается в том, что он где-то выкапывает и берет к себе на работу самых распущенных и безнравственных мальчишек, каких только создала цивилизация. Если по соседству случалась какая-нибудь особенно гнусная шалость, мы так уже и знали, что это натворил последний Биггсов мальчишка. Говорят, что когда произошло убийство на Грейт-Корам-стрит, все обитатели нашего квартала быстро пришли к заключению, что это дело рук тогдашнего Биггсова мальчишки. Не будь он в состоянии доказать свое полное алиби при строгом допросе, которому его подверг жилец дома № 19, когда он зашел за заказами, Биггсову мальчишке пришлось бы круто.

Я в то время не знал этого мальчика, но, судя по поведению его преемников, я не придал бы особого значения этому «алиби».

Как я уже сказал, Биггсов мальчишка вышел из-за угла. Он, видимо, очень спешил, когда впервые появился в поле нашего зрения, но, заметив нас с Гаррисом, Монморенси и наши вещи, сбавил ход и уставился на нас. Мы с Гаррисом сурово посмотрели на него. Это могло бы обидеть более чуткое существо, но мальчишки от Биггса, как правило, не отличаются чувствительностью. Он остановился на расстоянии ярда от наших дверей, выбрал себе соломинку для жевания и, опершись на перила, устремил на нас глаза. По-видимому, он решил досмотреть весь спектакль до конца.

Через минуту на другой стороне улицы появился мальчик от бакалейщика. Биггсов мальчишка крикнул ему:

– Эй, нижние из сорок второго переезжают!

Мальчик от бакалейщика перешел через дорогу и занял позицию с другой стороны крыльца. Потом возле Биггсова мальчишки остановился молодой человек из сапожного магазина, а надсмотрщик за пустыми жестянками из «Голубого столба» занял самостоятельную позицию у обочины.

– Они, видать, не помрут с голоду, а? – заметил юноша из сапожного магазина.

– Ты бы тоже небось захватил с собой кое-что, если бы вздумал переплыть океан на маленькой лодочке, – возразил «Голубой столб».

– Они не собираются переплыть океан, они будут искать Стэнли³, – вмешался Биггсов мальчишка.

К этому времени вокруг нас собралась целая толпа, и люди спрашивали друг друга, что случилось. Некоторые (юная и легкомысленная часть присутствующих) придерживались мнения, что это свадьба, и указывали на Гарриса как на жениха. Более пожилые и серьезные люди склонялись к мысли, что происходят похороны и что я, по всей вероятности, брат покойника.

³ Стэнли Генри Мортон (1841–1904) – англичанин, исследователь Африки.

Наконец показался пустой кеб (на нашей улице пустые кебы, когда они не нужны, попадают, как правило, по три в минуту). Мы кое-как втиснули в него наши вещи и самих себя, сбросив со ступенек нескольких друзей Монморенси, которые, видимо, дали клятву никогда не расставаться с ним, и поехали, сопровождаемые приветственными кликами толпы и морковкой, которую Биггсов мальчишка пустил нам вслед «на счастье».

В одиннадцать часов мы приехали на вокзал Ватерлоо и спросили, откуда отправляется поезд 11.05. Никто, разумеется, этого не знал. На вокзале Ватерлоо никто никогда не знает, откуда отходит какой-нибудь поезд, куда он идет, если уже отошел, и тому подобное. Носильщик, несший наши вещи, высказал предположение, что он отойдет с платформы № 2. Но другой носильщик, с которым он обсуждал этот вопрос, имел сведения, будто наш поезд тронется с платформы № 1. Дежурный по вокзалу, со своей стороны, был уверен, что поезд 11.05 отправляется с пригородной платформы.

Чтобы покончить с этим вопросом, мы поднялись наверх и спросили начальника движения. Он сказал, что только что встретил человека, который говорил, будто видел наш поезд на третьей платформе. Мы пошли на третью платформу, но местные власти сообщили нам, что, по их мнению, это был скорее саутгемптонский экспресс или же кольцевой виндзорский. Там были твердо убеждены, что это не поезд на Кингстон, хотя и не могли сказать, почему именно они в этом уверены.

Тогда носильщик сказал, что наш поезд, вероятно, на верхней платформе и что он узнает этот поезд. Мы отправились на верхнюю платформу, пошли к машинисту и спросили его, не едет ли он в Кингстон. Машинист ответил, что он, конечно, не может утверждать наверняка, но думает, что едет, во всяком случае, если он не 11.05 на Кингстон, то он уже наверное 9.32 на Виргиния-Уотер или десятичасовой экспресс на остров Уайт или куда-нибудь в этом направлении, и что мы все узнаем, когда приедем на место. Мы сунули ему в руку полкроны и попросили его сделаться 11.05 на Кингстон.

– Ни одна душа на этой линии никогда не узнает, кто вы и куда вы направляетесь, – сказали мы. – Вы знаете дорогу, так трогайтесь потихоньку и ежайте в Кингстон.

– Ну что ж, джентльмены, – ответил этот благородный человек. – Должен же какой-нибудь поезд идти в Кингстон. Я согласен. Давайте сюда полкроны.

Так мы попали в Кингстон по Лондонской Юго-Западной железной дороге.

Впоследствии мы узнали, что поезд, который нас привез, был на самом деле экзетерский почтовый и что на вокзале Ватерлоо несколько часов искали его и никто не знал, что с ним случилось.

Наша лодка ожидала нас в Кингстоне, чуть ниже моста. Мы направили к ней свои стопы, погрузили в нее свои вещи, заняли в ней каждый свое место.

– Все в порядке, сэр? – спросил лодочник.

– Все в порядке! – ответили мы и – Гаррис на веслах, я на руле и Монморенси, глубоко несчастный и полный самых мрачных подозрений, на носу – поплыли по реке, которая на ближайшие две недели должна была стать нашим домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.